

Аркадий ИНИН:

«Я не вылезая из презентаций, фестивалей, круизов, но ощущаю полный крах и деградацию»

— Расскажите, пожалуйста, как сегодня живут известные кинодраматурги?

— У меня все в прошлом...

— Как же так?! Вы же все время на виду: фестивали, концерты, вы участник множества программ. Как ни включишь телевизор — вы в кадре.

— Да, я езжу на все фестивали, куда приглашают, потому что сейчас фестивали — единственная возможность увидеть те немногие фильмы, которые выходят сегодня у нас, чтобы иметь представление, что делается в кино, а во-вторых, езжу, чтобы встретиться со своими коллегами-кинематографистами, с которыми раньше мы встречались на студиях, киноэкспедициях, премьерах. Сейчас мы можем годами не видиться. Я утратил свое любимое дело, свою профессию. Все стало

со знаком минус. Тридцать лет своей жизни я занимался любимым делом, любимой профессией, в которой я был не последним. Это была целая жизнь. Теперь эта жизнь кончилась. Материальная сторона меня меньше всего волновала. Сейчас материально я живу гораздо лучше, но я не живу. Я функционирую. Потому что жизнь, с одной стороны, очень узкий и индивидуальный вопрос, а с другой — это постоянное взаимодействие. Я был уважаемым человеком, по сегодняшним меркам — я никто. Я знал свои очень ограниченные, но все-таки права, я знал свои очень ограниченные, но все-таки возможности. А какой-то сосед в моем доме скажет диаметрально противоположное: у меня две машины, загородный дом, у меня шесть женщин, две из которых бросили меня, двух из которых бросил я. Я богат, сыт, значит, счастлив. Вот у этого соседа все началось. У меня на этом все закончилось. И это все происходит при этом в постоянно праздничной жизни. Я не вылезая из презентаций, я не вылезая из фестивалей, я уезжаю в круизы. У меня никаких финансовых проблем. Но морально — полный крах и деградация.

— Что же вы сейчас делаете?

— Ничего особенного. Выступаю в концертах. Пишу что попало. Рассказы, заявки для телевизионных программ. Эстрадные шутки. Вы знаете нас комуникали пугали страшилками про капитализм. Они говорили, что капитализм — это неуверенность в завтрашнем дне. А мы смеялись, видя машины, виллы, дачи. Говоря, нам бы такую неуверенность в завтрашнем дне. Теперь — это примета нашего времени в нашей стране. Теперь мы видим массу людей, неуверенных в завтрашнем дне. Или другая была страшилка. В нашей цензурной стране ни в газетах, ни на радио, ни на телевидении слова нельзя было сказать, но комуникали утверждали, что это не самое страшное, что нет ничего страшнее «желтой» прессы. Мы смеялись. Сегодня мы видим, что нет ничего отвратительнее этого.

— Участие в фестивалях как-то решает ваше материальное положение?

— Кормят бесплатно.

— Ну хорошо, среди негативных вещей есть что-нибудь светлое?

— Первое: это свобода. Которая заключается в свободе слова, предпринимательства, передвижения, наполнение товарного рынка.

— Вы верите в частное предпринимательство?

— Сам я от предпринимательства далек, но могу рассказать по этому поводу анекдот. Один человек спрашивает бизнесмена: «Скажи, как ты стал миллионером?». А тот ему отвечает: «Еще в детстве мне мама дала доллар, я купил яблоко. Помыл его, аккуратно завер-

нул, продал за два доллара. На два доллара я купил два яблока. Вымыл их, завернул, продал за четыре доллара, купил четыре яблока. Потом заработал восемь. Ну, а потом мы с приятелем взяли банк. Вот так я и стал миллионером». А если серьезно. Прежде всего я верю в талант в любом деле. Где-то я прочел, что предпринимателей четыре процента от населения и благодаря их предпринимательскому таланту работают остальные 96 процентов, а еще благодаря им развиваются экономика и культура.

— И тем не менее как раз люди культуры, по всей видимости, в нашей стране не вошли в эти девяносто шесть процентов. Культура оказалась на задворках. Интеллигенция не востребована.

— Я говорю не о нашей стране, я — о мировом опыте. Я много ездил по странам и видел множество частных музеев, картинных галерей, театров. Происходящее в нашей стране вызывает паническое состояние. Самое главное, что так называемая свобода, которую мы ждали, не принесла нам, как ни странно, ничего хорошего. Я теперь не отличаюсь от других, я все потерял, я имею в виду моральный капитал, тогда как именно я, вместе со всеми, на пятом съезде Союза кинематографистов, который теперь мы именуем «истерическим», кричал: «Свободу! Свободу!» Я вместе со всеми рушил старые органы управления кинематографом.

— Может быть, вы, я имею в виду тех, кто шел тогда вперед, так же, как и шестидесятники, упустили свои же завоевания?

— Я думаю, что виноваты не люди, а виновата возникшая система общественных отношений. Я верю, что если сейчас начнет действовать закон о кино, то, вероятно, начнут снимать фильмы. Но я сомневаюсь, что эти фильмы можно будет назвать искусством. Потому что те, кто будет давать деньги, те, кто получит налоговые льготы, будут «заказывать музыку». Не уверен, что художественные критерии этих людей, занимающихся бизнесом, достаточно высоки, и считаю, что цензура «денежного мешка» гораздо страшнее политической или административной. Искусству будет диктовать тупое, неразвитое существо, обладающее, несомненно, талантом предпринимательским, но с недоразвитым эстетическим воображением. Раньше в этой роли были инструкторы обкомов, и самый захудалый партаппаратчик, имеющий хотя бы институт культуры за спиной или библиотечный институт, мог отличить Эйзенштейна от Эйзенштейна. При всем том, что он был при «книжке» и гнул линию партии, но все же каким-то образом что-то понимал. Тогда было множество инстанций, и это была определенная игра в «кошки-мышки» цензоров с творцами. Цензоры что-то запрещали из идеологических соображе-

ний, понимали все-таки, что это хорошо. А мы знали, что, если запретили в райкоме, можно пойти в обком.

— Я с вами не согласна. В то время кое-кто даже попался собственной свободой или был выслан из страны.

— Да, согласен, но только это были самые непримиримые, самые талантливые художники. Но в то же время в нашей стране рождались и литературные, и кинематографические шедевры. А сегодня даже если начнет работать закон о кино, пойдут косяки низкопробных работ. Но я верю в то, что через пятнадцать-двадцать лет все же появятся Третьяковы и Морозовы, которые будут финансировать кино авторское, кино, литературу, живопись, двигающие наше искусство.

— Вы как автор занимаетесь телевизионными программами, значит, вы можете формировать вкус зрителя. Как вы относитесь к тем процессам, которые происходят на телевидении?

— Технологически вырос уровень несоизмеримо. Нравственно, художественно упал до нуля. Я ретроград. Я всегда считал, что советское телевидение — лучшее в мире. Оно всегда воспитывало чувства добрые, мы несли высокую литературу, просветительские программы, культурные, в том числе включая и идеологию. Сейчас идет обывательство и одурачивание народа. Все эти клипы и игры — это убожество. Наша страна — сырьевой придаток, но потом она станет, несомненно, богаче. И пока мы нищие, у нас еще есть шанс вернуть утраченную духовность. Что касается меня, раз вы так настаиваете, телевизионных программ у меня действительно было много, но все они, выйдя три-четыре раза, исчезали из-за отсутствия финансирования.

— У вас тоска по старому. Ну а как вы относитесь к той уравниловке, которая была, когда мы все были нищими? Но зато нищими одинаково...

— Был такой человек по имени Конфуций, который говорил: не надо бояться нищеты, надо бояться неравенства. Нищета это ужасно. Но все познается в сравнении. Мы доставали колбасу через «черный ход», стояли в очередях. Плохо это? Плохо. Теперь все есть. А купить могут немногие. Многие голодают. Возникло страшное, ужасное неравенство.

— Может быть, вы завидуете какому-нибудь преуспевающему бизнесмену-соседу?

— Это не так. Никто не будет завидовать, например, какому-нибудь артисту, ну, скажем, ранга Джигарханяна, если он построит себе дворец, будет ездить на «Вольво», никто не возмутится, а скажут: это правильно. Никто не возмутится, если рядом живущий ученый, доктор, и даже высмеиваемый нами в анекдотах в советское время стоматолог построит рядом виллу. Но когда люди видят, что мордовороты, убийцы, жулики, очевидные бандиты рядом строят дачи, виллы, это возмущает. Когда ты знаешь, что это ворюга, рэкетир и мерзавец, что он ходит по округе с оружием — это называется классовая ненависть. А это дестабилизирует общество, и эта напряженность может привести к чему угодно, в том числе и к разным социальным взрывам. Зависть придумали они.

— Если тезисно записать то, что вы сейчас сказали, — нонсенс: нищета — это духовность?

— Да, я считаю, что нищета, несомненно, побуждает к духовному поиску. Богатство — это вырождение.

Наталья ЮНГВАЛЬД-ХИЛЬКЕВИЧ.

Фото из журнала «ТВ-парк».